

В. Н. Мамяченков

ПРОТЕСТНЫЕ АКЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В 1950–1960-х ГОДАХ: ОСОБЕННОСТИ, ФОРМЫ, МЕТОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Статья посвящена малоисследованной теме – протестным акциям населения (прежде всего – рабочих промышленных предприятий) в связи с их неудовлетворительным материальным положением. Работа содержит значительный объем фактологического материала, наглядно и полно характеризующего причины проявления недовольства советских людей в указанный период. Источниковой базой исследования послужили прежде всего никогда не публиковавшиеся ранее материалы архива Управления федеральной службы безопасности (УФСБ) по Свердловской области и Центра документации общественных организаций (ЦДООСО) Свердловской области.

Ключевые слова: Свердловская область, рабочие, заработная плата, займы, предприятия, расценки, недовольство, жилищные условия, высказывания, отказы, протестные акции.

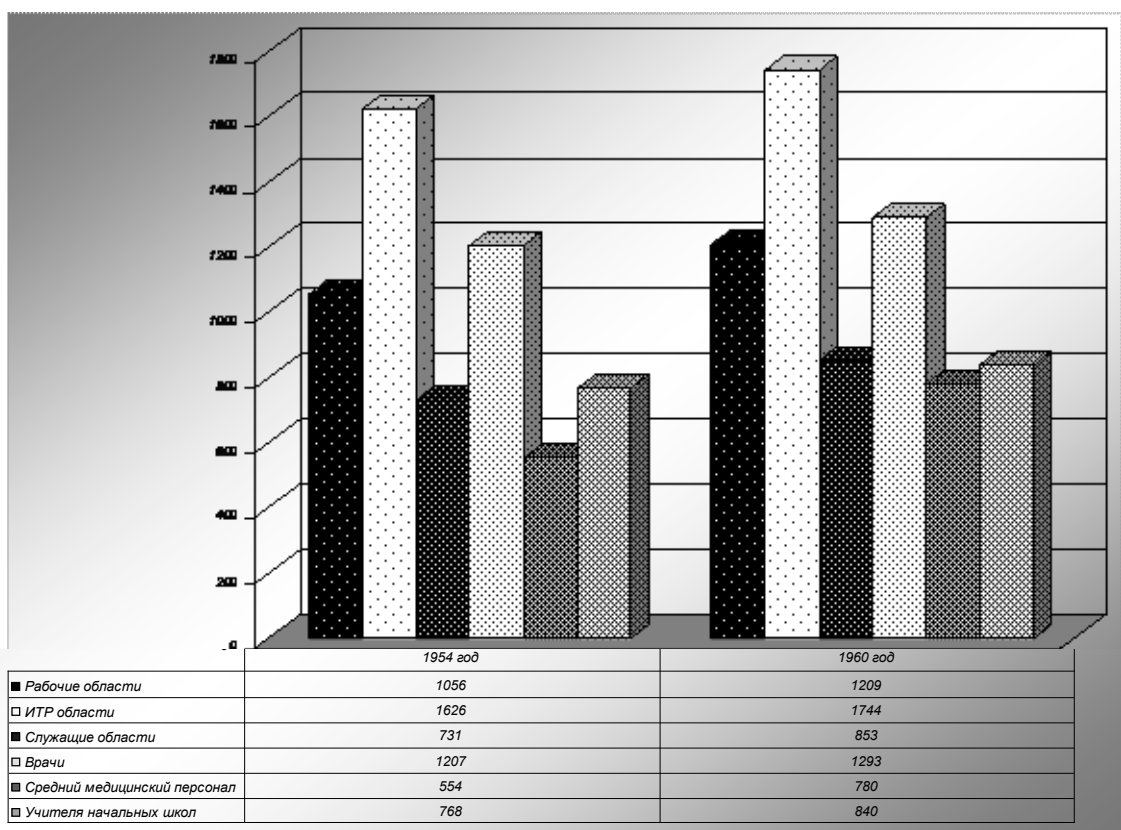
Выбранная нами для написания статьи тема в целом до сих пор исследована недостаточно. Причина этого кроется прежде всего в том, что любые подробности протестных акций населения в советский период нашей истории всячески замалчивались. Поэтому данная тематика представляет собой, по выражению Л. Млечина, «потопленные страницы нашей недавней истории»¹. Ее историография берет свое начало с наступлением 1990-х гг., когда одними из первых были опубликованы работы А. Краюшкина, Н. Тепцова и Ю. Ф. Лукина². В последующие годы вышло в свет несколько научных публикаций по данной теме, из которых следует отметить монографию В. А. Козлова³, в которой автор рассмотрел многочисленные примеры антигосударственных выступлений населения. Наконец, уже в нашем веке публикуют свои работы Ю. В. Аксютин, О. В. Эдельман, Э. Ю. Завадская, Э. Кулеви⁴, дополненную монографию под новым названием издает А. В. Козлов⁵.

При этом в перечисленных работах их авторы делали упор прежде всего на политическую подоплеку произошедших событий. Также нередко вместо причин волнений указывались только конкретные поводы к ним. Таким образом, зачастую не исследовалась причинно-следственная связь между недовольством населения существующим общественным укладом и уровнем его материального положения. В то же время, как нам представляется, эта связь объективно присутствует и носит характер прямой зависимости.

Пожалуй, чаще всего акты протеста наблюдались среди рабочих – самой многочисленной прослойки городского населения – и отражали их неудовлетворенность своей заработной платой. Здесь необходимо сказать, что денежные доходы рабочих не были самыми большими, хотя и являлись предметом постоянного внимания властей. Эти доходы можно было назвать только относительно высокими – то есть по сравнению с крестьянством, служащими, учителями начальных школ, средним медицинским персоналом, наконец, рабочими совхозов (см. диаграмму).

Так происходило потому, что партийные и хозяйственные руководители постоянно решали двоякую задачу: с одной стороны, им необходимо было обеспечить плановые показатели роста производительности труда, но с другой стороны, хотелось сделать это с наименьшими издержками. На приведенной диаграмме хорошо видно, что, по крайней мере, все 1950-е гг. зарплаты рабочих в общем-то далеко отставали от зарплат ИТР и в меньшей степени – от зарплат врачей. С началом 1960-х гг. бюджетные обследования большинства категорий населения были прекращены (за исключением семей промышленных рабочих и колхозного крестьянства), а поэтому мы не имеем возможности привести точные данные за 1960-е гг. по всем семьям. Тем не менее, можно смело утверждать, что отмеченная пропорция в доходах в целом сохранилась, так как среднемесячная зарплата рабочих и в 1968 г. составила около 1370 р.⁶

Среднемесячная заработная плата рабочих, ИТР и служащих промышленных предприятий, врачей, среднего медицинского персонала и учителей начальных школ Свердловской области в 1950-х гг.

Источник: ГАСО. Ф. Р1813. Оп. 14. Д. 2324. Л. 148–155; Д. 3002. Л. 10, 12, 45, 47, 49, 53, 55, 79, 82, 90, 95, 97, 129, 133, 135, 193, 195, 197, 199, 203 (расчеты автора).

Главным же инструментом «уравновешивания» зарплаты и производительности труда выступали прежде расценки на производственные операции, которые регулярно (дважды в год) пересматривались. В соответствии с экономической теорией расценки на производственные операции должны быть научно-обоснованными, а отсюда следует, что их ужесточение должно происходить только на основании роста технологической оснащенности производства. Но на практике зачастую этим принципом пренебрегали, мало того – расценки на производственные операции уже изначально устанавливались опытно-статистическим способом.

Таким образом, значительная часть производственных норм не были по сути научно-обоснованными, что вызывало справедливые претензии рабочих. Например, в 1953 г. рабочий Губанов, фрезеровщик завода им. Калинина, на собрании трудового коллектива открыто заявил, что большинство норм выработки по ряду профессий увеличивают-

ся не за счет внедрения новой техники и проведения оргтехмероприятий, а за счет только интенсификации труда. На одном же из собраний шахтеров треста «Егоршинуголь» в 1956 г. отмечалось, что только 22–24 % действующих норм являются технически обоснованными, а все остальные – опытно-статистическими⁷.

(Автор данной статьи, работавший в свое время мастером на одном из оборонных предприятий Свердловска, на собственном опыте испытал всю сложность и деликатность процедуры снижения расценок: ведь рабочим надо было объяснить, почему это делается. Хорошо, если в истекший период на участке были внедрены хоть какие-то технические новшества, облегчающие труд рабочих. Если же этого не было, то администрации предприятия не оставалось ничего лучшего, как прибегать к словесной демагогии, взывая к патриотическим чувствам рабочих. Зачастую же не делалось и этого – рабочие просто ставились перед фактом безоговорочного снижения расценок).

Такие периодические снижения расценок иногда приводили к таким серьезным конфликтам между рабочими и администрацией предприятий, что привлекали к себе внимание даже органов госбезопасности. Рассекреченные материалы архива УФСБ по Свердловской области содержат большое количество спецсообщений, касающихся конфликтов между работниками различных предприятий и администрацией и в связи с этим протестных акций рабочих. Одно из них касается событий, происшедших на Свердловском заводе транспортного машиностроения в начале 1956 г. В нем, в частности, говорится: «С 1 февраля 1956 г. были повышены расценки в отдельных цехах завода транспортного машиностроения. Некоторые рабочие в знак протеста, в течение нескольких дней выходя на работу, по существу не работали и отсиживались в курилке или сознательно не вырабатывали в смену того количества продукции, которое они давали до этого пересмотра. 2 февраля с. г. в цехе № 225 на участке сборки вся 2-я смена почти не работала.

В цехе № 200 рабочие Хомяков и Сурмятов – член КПСС – сознательно обтачивали вместо 8 валов 5 валов в смену, заявляя, что они больше вырабатывать не будут, иначе вновь могут увеличить нормы. В этом же цехе в течение 2–3 февраля на участке обработки тракторных роликов несколько человек рабочих также отказались от работы, а сверловщик Смолин и протяжник Казанов в эти дни не работали вовсе. Калибровщик Димадеев 3–4 февраля не работал вовсе.

Вследствие этого даже отдельные мастера и начальники участков сами высказывали недовольство о проводящемся пересмотре норм и расценок. Старший мастер цеха № 225 Блинов, работающий на заводе 25 лет, пользующийся авторитетом, открыто заявил, что он отказывается пересмотреть нормы. Его поддержали и другие мастера»⁸.

Из данного спецсообщения явствует, что забастовки (хотя, конечно, и в «латентном» виде) порой происходили и на оборонных предприятиях, на которых, как утверждала молва, условия работы были несравненно лучше, дисциплина – жестче, а зарплаты – выше. Нам не удалось обнаружить в архиве каких-либо ссылок на последствия этого спецсообщения и поэтому мы ничего не можем сказать о характере принятых к забастовщикам мер. Надо полагать, что в дальнейшем рабочие

были вынуждены так или иначе смириться с состоявшимся снижением расценок и их протестная акция прекратилась сама собой.

Но не всегда конфликтная ситуация разрешалась сравнительно мирно. Порой дело доходило и до открытых невыходов граждан на работу, то есть уже явных забастовок. (Хотя, конечно, в то время их так никто не называл. Вспоминается, как в 1970-х гг. советские СМИ, сообщая о забастовках польских рабочих, употребляли такое надуманное выражение: «На некоторых предприятиях имели место случаи прекращения работы».) Естественно, о забастовках на советских предприятиях тогдашние СМИ не сообщали ни под каким видом, так как это противоречило мифам о «единстве» советского общества и о «гармонично развивающейся» экономике в «бескризисном» обществе. Между тем архив УФСБ по Свердловской области хранит спецсообщения о таких чрезвычайных социально-экономических происшествиях тех лет, как, например, события на Березовском лесоучастке Вагранского леспромхоза треста Серовлесдревмет в Краснотурьинском районе, произошедшие в апреле 1963 г.

Суть данного происшествия состояла в следующем: директор леспромхоза, заподозрив, что на лесоучастке допущены приписки, отдал распоряжение урезать фонд зарплаты рабочим этого участка за март месяц на 3200 р. Сокращение фонда зарплаты было проведено по категории лесорубов и трелевщиков леса, списочный состав которых составлял 129 человек из 349 работающих. В день получения зарплаты за март месяц рабочие лесоучастка обнаружили, что их заработок сокращен на 30–50 % против зарплаты, начисленной по уже закрытым нарядам. В результате в течение двух дней – 13 и 14 апреля – все упомянутые 129 человек (в их числе 6 членов КПСС и даже один депутат Карпинского городского совета) на работу не выходили. Узнав об этом, директор отменил свое распоряжение и дал указание выплатить зарплату полностью в соответствии с нарядами. Как только это было сделано, рабочие 16 апреля возобновили работу. Опасаясь больших неприятностей, руководитель предприятия не проинформировал трест и партийные органы о случившемся, но за него это сделал секретарь парторганизации. Поэтому «разбирательство» состоялось, причем с привлечением работников КГБ (тем не менее, забастовку можно считать вполне

успешной, так как цель ее была достигнута. Руководство же предприятием, судя по всему, отделалось партийными взысканиями)⁹.

О том, что зарплаты рабочих были не так уж велики и в 1960-е гг., говорят спецсообщения органов госбезопасности того времени, адресованные партийным властям. Например, в одном из них, от 26 июня того же 1963 г., говорится, что на Краснотурьинском лесозаводе деревообделочного комбината и на заводе ЖБИ треста «Базстрой» происходят массовые сокращения рабочих и задержки с выплатой зарплаты. Дословно в спецсообщении говорится, что было «произведено массовое сокращение рабочих: из 120 рабочих лесозавода, где работали в основном женщины, сокращено 48 человек. Под сокращение попали матери-одиночки. Лихорадочная работа предприятия и частые простои приводят к тому, что рабочие мало зарабатывают и многие рабочие не получили зарплату за апрель с. г.»¹⁰. Приведенное спецсообщение, как и многие подобные ему, опровергают утверждения о том, что в советском обществе при плановой экономике не было задержек с выплатой зарплаты.

«Нездоровые проявления» (так тогда называлось эти проявления недовольства населения) фиксировались органами госбезопасности и на непромышленных предприятиях. Иногда об этом сигнализировали и сами «бдительные» граждане. Так, в одном из спецсообщений от 19 декабря 1959 г. фигурирует свердловская автобаза № 6, один из рабочих которой сам обратился в органы госбезопасности с заявлением, что «среди шоферов автобазы отмечаются нездоровые настроения и политически вредные проявления». В доказательство заявитель предъявил найденное им анонимное письмо, которое содержало призыв к шоферам выступить с требованием о повышении зарплаты. Проведенной проверкой было установлено, что перед этим у шоферов автобазы произошло сокращение зарплаты. Их обращение к секретарю парторганизации и управляющему автобазой остались без ответа со ссылками на указание «сверху». В результате возник конфликт между рабочими и администрацией предприятия. Интересно, что, судя по тональности спецсообщения, органы госбезопасности в данном случае считали неправомерными действия руководства автобазы¹¹.

Таким образом, недовольство работающего населения вызывали прежде всего

факты неоправданного снижения зарплат, и это регулярно фиксировалось и отражалось в донесениях органов госбезопасности. В одном из них, от июня 1963 г., говорится «о фактах нездоровых настроений среди рабочих отдельных предприятий в связи с упорядочением зарплаты». Среди упомянутых «отдельных предприятий» упоминаются завод № 50 (Свердловский приборостроительный завод), Уральский завод тяжелого машиностроения, фабрики № 3 и № 5 треста «Ураласбест», завод «Уралэлектроаппарат». В данном спецсообщении, в частности, говорится: «Свердловщик цеха № 200 Говоров, выражая недовольство новой системой оплаты, в кругу рабочих заявил: “Вот начальство себя не обидело, а мы, рабочий класс, должны терпеть”. Аналогичные высказывания допускают и другие рабочие завода № 50. По этим же причинам карусельщик 3-го участка 29-го цеха УЗТМ Сенков 6 января 1960 г. в присутствии рабочих заявил: “Срезали нормы и никому нет никакого дела до того, что рабочий будет мало получать. Там, наверху, сидит полно начальства и получают тысячи рублей за счет рабочих”. Токарь этого же цеха Теплицев в разговоре с рабочими говорил: “Вот и улучшили благосостояние рабочих. Будем получать 500 р. в месяц, а говорили зарплаток увеличится... Это сделали партийцы и надо спросить у них...”. Перечисленные выше факты являются следствием определенных ошибок, допущенных администрацией предприятий при введении новой системы оплаты труда и недостаточной разъяснительной работы среди рабочих»¹².

Другим поводом для недовольства населения всегда были государственные займы. В сущности, они были для советского государства одним из двух инструментов изъятия излишков денежной массы у населения. Вторым таким инструментом были денежные реформы с явно или неявно выраженным конфискационным характером (например, реформы 1947 и 1961 гг.). Свою историю государственные займы в СССР ведут с мая 1922 г., когда был размещен первый так называемый «хлебный» займ в натуральной форме – на 10 млн пудов ржи. А осенью следующего, 1923-го, года началось размещение займа в денежной форме – 6 %-го выигрышного на сумму 100 млн р. золотом¹³. Всего же, по некоторым оценкам, в 1922–1957 гг. в СССР было размещено 46 внутренних займов государства.

Нельзя не сказать, что отличительной чертой советского государственного кредита был его «добровольно-принудительный» характер, при котором работающее население фактически должно было ежегодно нести дополнительную денежную повинность (в размере 1–1,5 месячной зарплаты в год). При этом руководящие партийные органы с мест докладывали в московские инстанции, что «...нарушений принципа добровольности подписки в районах и городах области не наблюдалось, жалоб не поступало»¹⁴. Мировая экономическая практика знает немало случаев подобного волюнтаристского вмешательства в экономику, но и на этом фоне государственные займы советского периода в нашей стране представляют совершенно особый социально-экономический феномен.

Размещение каждого государственного займа в СССР сопровождалось мощной пропагандистской кампанией, в которой ведущую роль играли средства массовой информации. Естественно, что освещение таких мероприятий производилось строго в рамках господствующей тогда идеологии и сопровождалось чрезмерными издержками и гиперболизацией. Так, в 1956 г. Свердловский обком КПСС сообщал в ЦК партии: «Весть о выпуске нового займа застала многих колхозников сельхозартели “Путь вперед” Зайковского района в поле. С глубоким удовлетворением встретили они это сообщение»¹⁵.

Но ко второй половине 1950-х гг. уже ясно обозначились пределы заимствования, и государству надо было искать выход из безнадежной долговой ситуации. Решение было найдено самое простое и непопулярное – все выплаты по займам предложили просто заморозить на длительный срок. При этом (как это часто делалось) все было представлено таким образом, как будто осуществляется по инициативе самих трудящихся-займодержателей, в данном случае – трудящихся Горьковской области.

В результате на свет появилось Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 19.04.1957 г. «О государственных займах, размещенных по подписке среди трудящихся Советского Союза», которому тут же была организована «всенародная» поддержка. Постановление предполагало прекращение с 1958 г. выпуска государственных займов (кроме 3 %-го свободно обращающегося), снижении суммы заимствования в

1957 г. до 12 млрд р. и прекращение тиражей выигрышей по всем ранее выпущенным займам с отсрочкой их погашения на 20–25 лет.

Свердловский обком КПСС не замедлил в этой связи информировать ЦК партии, что «Трудящиеся Свердловской области поддерживают предложение тов. Хрущева и трудящихся Горьковской области по вопросам займа». Далее в информации, как обычно, следовал длинный перечень выступлений представителей трудящихся, в которых одобрялась новая инициатива властей¹⁶. Но затем, что интересно (в отличие от подобных документов предшествующих лет), были озвучены уже и голоса несогласных. Так, например, сообщалось, что на Турбомоторном заводе в цехе № Т-1 рабочие Гаринов и Носенко внесли предложение прекратить с 1957 г. подписку на государственные займы, а погашение продолжать ежегодно (конечно, это предложение было отвергнуто). А вот на заводе «Металлокровать», судя по архивным материалам, такое предложение прошло даже в виде соответствующего постановления собрания. Какое наказание вследствие этого понесло партийно-хозяйственное руководство этого предприятия, мы так и не смогли установить¹⁷.

В другом информационном письме обком партии с тревогой доносил в Москву, что «были и отрицательные высказывания по вопросу государственных займов. Например, на митинге завода “Главстроммашина” в Куйбышевском районе выступили слесарь сборочного цеха тов. Белоносов и фрезеровщик инструментального цеха тов. Хабаров, в своих выступлениях высказались: “Пусть от нас сейчас возьмут все облигации, только не тревожат подпиской в 1957 г. Подписываться мы не будем”. Их выступления поддержало несколько голосов. В отдельных беседах часть рабочих выражает мысль о нецелесообразности проведения подписки на заем в 1957 г. Некоторые из них говорят, что подписываться на новый заем не будут.

...Многие рабочие предлагают сроки «замораживания» облигаций значительно сократить и погашение займов в определенной сумме начать не через 20–25 лет, а с 1958–1960-х гг. На митинге в кузнечно-прессовом цехе Уралмашзавода после сообщения о прекращении подписки на заем с 1958 г., кроме секретаря партийной организации и председателя цехового комитета, выступающих не нашлось.

...В стройуправлении № 752 ...было брошено несколько реплик: “Почему государство обеднело, что с долгами займодержателей не может рассчитаться?”, “Нужно хоть частично сохранить выплату по займам, чтобы не порочить принцип займа”. Рабочий тов. Чурбанов из вышеуказанного управления высказал мысль, что предложение горьковчан неправильное, это значит отобрать у рабочих их накопления (сам Чурбанов на заем не подписывался).

Очень неприятные высказывания были 12 апреля в сберкассах города в адрес работников сберкасс и руководящих органов при отказе им выплаты выигрышей по ранее прошедшим займам. Некоторые граждане в Орджоникидзевском районе заявили, что это мошенничество и прямое нарушение социалистической законности. В Кировском районе трудящиеся задавали вопросы: почему без Указа Президиума Верховного Совета СССР прекращена выплата выигрышей и отменен розыгрыш 7 апреля 1957 г.»¹⁸.

Тем не менее, сразу же после того, как населением было «одобрено» решение о замораживании выплат по всем накопившимся займам, государство в мае 1957 г. снова разместило очередную займ. О том, как было встречено это решение Правительства, можно прочитать в информации Свердловского горкома КПСС от 15 мая 1957 г. Конечно, в начале сообщалось, что «Подавляющее большинство трудящихся с воодушевлением принимают предложение уполномоченных подписаться на заем», но затем в информации горкома снова зазвучали тревожные ноты. Например, приводился пример вопиющего головотяпства, когда в цехе № 26 завода им. Сталина подписка была проведена до объявления Указа, а «когда был объявлен митинг, то рабочие не остались, заявив, что им нечего делать на митинге, так как они уже подписались на заем». (Аналогичный случай произошел на Уралмашзаводе в чугунолитейном цехе). Далее в информации горкома перечислялись конкретные граждане, отказавшиеся подписаться на заем 1957 г.: «В Ленинском районе отказался подписаться на заем коммунист Цереня – начальник пожарно-сторожевой охраны Инструментального завода, имеющий оклад 790 р.

На Подшипниковом заводе (Кировский район) машинист компрессорной станции т. Подузов отказался от подписки, заявив:

“Мне 60 лет, у меня нет никого, ни детей, ни жены, завещать мне некому. Хватит, я помог государству, у меня пропали облигации прошлых лет, они останутся в фонде государства – это и будет моей помощью”.

Отказались от подписки на заем актриса филармонии Менион и артист Липкин.

На мясокомбинате отказались от подписки на заем воспитательница детского сада т. Коль и водоосмотрщица котельной т. Черного, имеет оклад 600 р., материально хорошо обеспечена, имеет легковую машину.

Ряд рабочих предприятий Ленинского и Куйбышевского районов высказали во время подписки, заявляя, что на заем они подписываются аккуратно, а жильем их обеспечивают плохо, не предоставляют мест в детские сады для детей.

В Чкаловском районе отказались от подписки депутат областного Совета кузнец завода “Строммашина” т. Коряков и слесарь механических мастерских т. Рылов. Слесарь “Уралдомнаремонт” (Молотовский район) т. Логинов отказался от подписки, сказав: “Я уже дал 20 тысяч – хватит”¹⁹.

Чаще же всего от подписки на займ отказывались малообеспеченные граждане. Поэтому в одном из партийных документов с тревогой отмечалось, что «в гор. Карпинске, Верхней Пышме, Североуральске, Асбесте, Новой Ляле, Шалинском районах имели место отказы от подписки на заем лиц, которые зарабатывают по 510–520 р.»²⁰.

Третьей причиной недовольства граждан был хронический дефицит товаров первой необходимости, как продовольственных, так и непродовольственных. Особенно напряженное положение с этими товарами было в начале 1950-х гг. Так, одним из своих спецсообщений от 3 мая 1952 г. УМГБ по Свердловской области доводило до сведения партийных властей следующие высказывания граждан Свердловской области: «Скоро праздник, а в магазинах нет ничего: ни масла, ни сливочного маргарина, ни молока, ни сыра, ни колбасы по 45 р. и даже сахарного песка нет. На меня это наводит страх...».

«Готовимся к праздникам, но в магазинах у нас как ураганом унесло: ничего нет, ни масла, ни яиц, ни мяса, абсолютно ничего».

«Вся жизнь неважная. В магазинах нет ни мяса, ни масла, ни рыбы».

«Кто много работает, тому ничего и не достать».

«Все уходит на питание, а ведь хочется и одеться... Туфли дорогие».

«С промтоварами у нас плохо»²¹.

Все это, повторимся, граждане говорили в 1952 г. Но и в конце 1960-х «органы» фиксировали похожие высказывания. Вот, например, что говорили в 1969 г. жители города Каменск-Уральский: «Для того, чтобы улучшить жизнь, нужна новая революция, поднять восстание и убрать всех коммунистов. Перетянуть на свою сторону московский гарнизон, а по Всесоюзному радио кому-то выступить с призывом» (Ковров, слесарь Уральского алюминиевого завода, беспартийный).

«По моему мнению, изменить положение со снабжением в городе может только забастовка рабочих, в результате которой правительство вынуждено будет улучшить снабжение» (Бураков, старший военпред Уральского проектно-конструкторского бюро “Деталь”, член КПСС).

«Чем дальше, тем хуже и хуже обстоит дело с продуктами питания. Неужели руководители партии и правительства не знают об этом? Местные власти видимо боятся об этом сообщать в Москву» (Черноусов, начальник бюро Каменск-Уральского радиозавода беспартийный).

Отмечались и случаи написания анонимных писем в крайне резких тонах в адрес органов власти²².

Подобное положение с товарами первой необходимости наблюдалось во всех без исключения регионах страны, даже в столице. Вот, например, как вспоминает о 1950-х гг. один из известных советских инженеров в области авиастроения: «Мой первый радиоприемник “Мир”, выпускавшийся в Риге, был в то время самым дорогим и самым качественным. Но чтобы его купить, пришлось отстоять целую ночь перед дверьми ГУМа и каждые два часа отмечаться в очереди советских людей, жаждущих приобрести дефицитные товары»²³.

Другой, еще более известный автор – руководитель отряда космонавтов генерал-лейтенант Н. П. Каманин – в феврале 1962 г. записал в своем дневнике следующие строки: «До предела надоела болтовня о том, как мы сильны и хороши. Лет пять назад усиленно кричали, что скоро мы догоним Америку по молоку и мясу. А теперь, когда у нас остро ощущается недостаток мяса, молока и мас-

ла (из Горького приезжают в Москву за мясом, из Ленинграда просят выслать масла, а на Бабьегородском рынке Москвы бывает не больше одной молочницы в день), крики на эту тему смолкли. В сельском хозяйстве дела у нас идут туго»²⁴.

Помимо критических высказываний и анонимных посланий у советских граждан существовала и еще одна своеобразная форма протеста – надписи на избирательных бюллетенях во время выборов народных депутатов и судей. Так, в марте 1954 г. в Свердловской области на бюллетенях были обнаружены следующие надписи: «Когда будет в магазинах мяса в достатке? Мы просим депутатов позаботиться о нуждах граждан».

«Нужно наладить работу магазинов, ничего в них нет – мяса, мясных изделий, рыбы».

«Наши торгующие организации совсем не закупают овощей и фруктов. Прошлом лето почти нигде не торговали огурцами, помидорами, яблоками, а между тем весь рынок был завален ими, но цены на базаре велики».

Более же критично настроенные граждане делали глубокие выводы, касающиеся сущности господствующего режима, и оставляли более хлесткие надписи: «Советская власть – это нищета, голод, туберкулез и слезы, слезы».

«Будет время – Советы выкинем на свалку истории».

«Чем больше Советов, тем меньше продуктов. Советы сыты, а рабочие голодны».

«У нас в Советском Союзе свободы нет и не будет».

«В Советском Союзе рабочий человек не имеет никаких прав. Полное беззаконие, одни пустые слова о правах рабочего».

«Жить стало тяжело, почти хуже, чем при царском режиме».

Наконец, самые радикальные призывали: «Долой КПСС!»²⁵.

Надо сказать, что подобные надписи на избирательных бюллетенях фиксировались и в других регионах страны. Кроме того, в избирательные урны также бросали анонимные листовки и записки. Например, в городе Калининграде Московской области 3 марта 1957 г. во время выборов депутатов в местные Советы в урну для голосования была брошена записка, в которой говорилось: «Долой казнокрадов, коммунистических миллионеров, долой убийц... Душите народ, но придет час расплаты с вами, бандитами. Вы народ гноите в сырых, грязных, темных лачугах. Сами, де-

споты, заливаются вином, загребают деньги десятками тысяч, ведете развратную жизнь, живете в роскошных палатах, а отношение к трудовому народу как к скотине. Придет время, народ припомнит вам. Долой убийц, да здравствует русский народ!»²⁶.

Кроме того, в связи с выборами применялась и такая форма протеста, как неявка на избирательный участок. В 1960-е гг. органами госбезопасности были зафиксированы попытки агитации граждан к коллективной неявке на выборы. В спецсообщении от 13 марта 1969 г. сообщалось, что «управлением КГБ по Свердловской области получены данные о том, что отдельные жители города Свердловска отказываются принять участие в голосовании в день выборов в местные советы депутатов трудящихся 16 марта 1969 г., мотивируя это своими тяжелыми жилищными условиями, а также призывают к отказу от участия в голосовании других».

Далее в спецсообщении приводился характерный пример: один из жителей многочисленных бараков в Орджоникидзевском районе собрал около 20 жильцов и стал призывать их отказаться участвовать в голосовании в день выборов. Завершалось же спецсообщение информацией о том, что «...на почве плохих жилищных условий открыто заявляют об отказе голосовать в день выборов многие жильцы 9-ти бараков домостроительного комбината по ул. 8 Марта, 92, 3-х бараков Горторгремстроя по ул. Ялтинской, 3, корпуса 3 треста “Свердлес” по пер. Банный, 3, 2-х деревянных домов по ул. Шейнкмана, 172а, находящихся в Ленинском районе и жильцы домов № 46 и 69 по ул. Краснофлотцев, барака № 33 по ул. Индустрии в Орджоникидзевском районе»²⁷.

Подводя итоги, следует еще раз упомянуть основные причины недовольства советских людей в сфере материального положения. Таковыми были:

1. Низкий уровень денежных доходов.
2. Периодически размещаемые на недобровольной основе государственные займы.
3. Хронический дефицит товаров первой необходимости.
4. Плохие жилищные условия.

Что касается конкретных форм протеста, то их можно, по нашему мнению, условно разделить на скрытые и открытые. К скрытым следует отнести различного рода непубличные критические высказывания, аноним-

ные послания (адресованные как широкой публике, так и властям) и надписи на избирательных бюллетенях. Открытыми формами были публичные критические высказывания, умышленное снижение производительности труда или вообще прекращение работы, демонстративная неявка на очередные выборы народных судей или депутатов.

Наконец, нельзя не сказать, что исследование реакции властей на протесты населения в большинстве случаев наталкивается на объективное препятствие – засекреченность архивных материалов, особенно тех, где фигурируют конкретные персоналии. Например, до сих пор недоступны исследователям протоколы заседаний бюро Свердловского обкома и горкома партии, где рассматривались персональные дела руководителей-коммунистов, «допустивших» протестные акции на вверенных им предприятиях. Крайне мало информации имеется и о мерах, которые принимали власти Свердловской области к участникам протестных акций. Хотя из опубликованных в последние годы по материалам других регионов работ известно, что меры уголовного преследования обычно применялись в случаях, когда эти акции носили явно выраженную антисоветскую окраску²⁸.

Примечания

¹ Козлов, В. А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти. 1953–1985 гг. М., 2006. С. 6.

² Как снижали цены в конце 40-х – начале 50-х годов и что об этом говорил народ / публ. А. Краюшкина, Н. Тепцова // Неизвестная Россия. XX век. Кн. 2. М., 1992; Лукин, Ю. Ф. Из истории сопротивления тоталитаризму в СССР (20–80-е гг.). М., 1992.

³ Козлов, В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999.

⁴ Аксютин, Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004; Крамола : Инакомыслие в СССР при Хрущеве и КГБ Брежневе. 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / сост. В. А. Козлов, О. В. Эдельман, Э. Ю. Завадская ; под ред. В. А. Козлова, С. В. Мироненко. М., 2005; Кулевиц, Э. Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. М., 2009.

⁵ Козлов, В. А. *Неизвестный СССР...*

⁶ Динамические ряды по рабочим промышленностям 1952–1968 годов Территориального органа Федеральной службы государственной статистики (ТОФСГС) по Свердловской области.

⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 52. Д. 127. Л. 107; Оп. 55. Д. 106. Л. 29.

⁸ Архив УФСБ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 110. Л. 35–36.

⁹ Там же. Д. 331. Л. 106–107.

¹⁰ Там же. Л. 88–90.

¹¹ Там же. Д. 283. Л. 31–32.

¹² Там же. Д. 299. Л. 8–10.

¹³ Большая Советская Энциклопедия. Изд. 1-е : в 65 т. М., 1926–1947. Т. 18. С. 491–494.

¹⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 52. Д. 127. Л. 59.

¹⁵ Там же. Оп. 55. Д. 106. Л. 7.

¹⁶ Там же. Оп. 57. Д. 121. Л. 28–30.

¹⁷ Там же. Л. 26.

¹⁸ Там же. Д. 145. Л. 44–45.

¹⁹ Там же. Л. 54–60.

²⁰ Там же. Д. 121. Л. 40.

²¹ Подробнее об этом см.: Мамяченков, В. Н. : 1) Об обеспечении товарами первой необходимости населения Среднего Урала в

1950–1960-х гг. (из рассекреченных материалов архива УФСБ по Свердловской области) // Шестые Татищевские чтения : тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 2006. Т. 1. С. 286; 2) Обеспечение населения Свердловской области непродовольственными товарами в 1950-х годах // История и этнология : на перекрестке времен и культур : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курган, 2008. С. 137.

²² Подробнее об этом см.: Мамяченков, В. Н. Об обеспечении товарами первой необходимости...

²³ Анцелиович, Л. А. *Неизвестный Сухой. Годы в секретном КБ.* М., 2008. С. 263.

²⁴ Каманин, Н. П. *Скрытый космос : в 4 кн.* М., 1995. Кн. 1. Запись от 24 февр. 1962 г.

²⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 53. Д. 112. Л. 56.

²⁶ Крамола : Инакомыслие в СССР... С. 201–202.

²⁷ Архив УФСБ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 581. Л. 54–55.

²⁸ Подробнее об этом см.: Крамола : Инакомыслие в СССР... С. 238–280.